

КРИСТИНА
ГЕНРИ

ДЕВУШКА
В
КРАСНОМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9 (73)

ББК 84(7Сое)-44

Г 34

Christina Henry
THE GIRL IN RED

Публикуется с разрешения автора
и литературных агентств
The Knight Agency и Nova Littera SIA.

Перевод с английского *Веры Соломахиной*
Дизайн обложки *Екатерины Ферез*

Генри, Кристина.
Г34 Девушка в красном: [роман] / Кристина Генри;
перевод с английского В. Соломахиной. — Мо-
сква: Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Злые
сказки Кристины Генри).

ISBN 978-5-17-127121-3

Всего три месяца назад ее мир был скучен и предсказуем. Пока не случился всемирный Кризис, уничтоживший большую часть населения и заставивший выживших бежать в карантинные лагеря. Однако Краш, девушке в красной куртке, известно, что там процветают болезни и смерть. Единственный для нее выход — сбежать к бабушке в глухой лес... где стало очень небезопасно: по ночам появляются койоты, змеи и волки.

Но в лесу есть угрозы похуже, чем преследующие своих жертв хищники. Иногда встречаются люди с темными желаниями, слабой волей и злыми намерениями. Однако Краш еще не знает, что впереди ее ждет нечто более страшное, чем все ужасные люди и злобные звери вместе взятые.

Краш не собиралась становиться убийцей, но иначе одной в лесу не выжить...

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Сое)-44

Copyright © 2019 by Tina Raffaele
© В. Соломахина, перевод на русский язык,
2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

ISBN 978-5-17-127121-3

Глава первая ВКУС ИСПУГА*

В лесу, где-то в Америке

Чужак окинул Краш беглым взглядом поверх пламени костра — растрепанные кудряшки, торчащие из-под красного капюшона, небольшой топорик с темной, словно тень, полоской засохшей крови, лежащий на земле возле рюкзака с припасами — и уставился ей в лицо, на котором она старательно изобразила тупое смирение, совершенно без эмоций.

Она прекрасно понимала мысли парня и его намерения. Такие, как он, встречались повсюду и до и после того, как все полетело к чертям, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы растолковать его взгляд. После начала Кризиса (даже мысленно она всегда называла его именно так, с большой буквы) этот тип наверняка многих насиловал, убивал и грабил, нападал на тех, кого считал слабее, или заставлял врасплох, и только поэтому выжил.

* Здесь и далее цитаты из «Макбета» У. Шекспира в переводе М. Лозинского. «Макбет», акт V, сцена 5 (*Здесь и далее, если не указано иное — прим. пер.*)

Девчонку с протезом вместо ноги многие считали легкой добычей — неповоротливой, убогой калекой, но скоро понимали свою роковую ошибку. О недавнем случае напоминал окровавленный топор, как магнитом притягивающий взгляд незваного гостя, что забрел на огонек.

Лезвие не мешало бы протереть, конечно, не ради того, чтобы никого не напугать. Просто, кроме мозгов, топорик был ее единственным оружием, и за ним нужно ухаживать.

Этот тип заявился из чащи с видом заправского бабника: «Эй, красотка, составить тебе компанию?» и начал заливать про уютненький костерок среди промозглой тьмы. На голове совсем короткий ежик, будто недавно побрился наголо и еще не оброс. Может, военный, потому и побрился? Тогда, похоже, дезертир, костлявый, жилистый, чем-то напоминающий койота. Голодного койота.

Главное, на больного *не похож*. Хотя все подцепившие эту заразу сперва кажутся здоровыми. Это потом бьет кашель, глаза наливаются кровью, и буквально через несколько дней... в общем, сначала этот Кашель коварно слабый, немного першит в горле, но никак не проходит, все усиливается и вдруг становится гораздо хуже, словно мелкая стычка исподволь перерастает в мировую войну.

Краш заметила, как оттопыривается поношенная камуфляжная куртка незнакомца. Даже интересно стало, умеет он пользоваться оружием или просто любит размахивать стволом, прикидываясь настоящим мужиком.

ДЕВУШКА В КРАСНОМ

Она выжидала, не собираясь любезничать с хищником, который наметил ее очередной жертвой. Даже не удосужился представиться, а уже тянется к костерку, который она так старательно разводила.

— Так ты?.. — начал он, снова окинув ее беглым взглядом и на мгновение задержавшись на левой лодыжке, блеснувшей металлом из-под штанины.

— Что я? — переспросила она тоном, не располагающим к продолжению беседы.

Он замялся, похоже, передумал и взмахнул рукой возле лица.

— Глаза у тебя светлые, а сама смуглая. Полу-кровка что ли?

Она все еще безразлично смотрела на него как на пустое место.

— Полу... Что? — повторила она, словно не понимая.

Внешность у нее и впрямь была необычная, обманчивая, и белые часто терялись в догадках, за кого ее принимать. Она могла оказаться с примесью африканских или ближневосточных кровей, латиноамериканкой или просто смуглой итальянкой. Всех сбивали с толку зеленовато-голубые глаза, унаследованные от отца.

В поисках разгадки люди невольно переводили взгляд выше, к волосам, но у нее были такие крупные густые завитки, которые могли принадлежать любому роду-племени. За свою жизнь она привыкла к оценивающим взглядам и дурацким вопросам, но одно ее всегда удивляло (хотя, казалось, не должно бы): сколько людей обращало внимание на по-

добную чепуху, несмотря на неумолимо приближающийся конец света.

— Просто интересно стало, что... — снова начал он.

— У меня на родине приставать к незнакомым с расспросами о происхождении не принято.

— Понятно, — сник незнакомец, слегка подрастеряв ту дерзость, с которой заявился на поляну.

— Что же ты делаешь одна в лесу? Вроде всех распределили по ближайшим карантинным зонам, — наконец нашелся он, игнорируя намек на то, что не мешало бы представиться.

Ну что ж, значит, подружиться не получится. Да и не очень-то хотелось.

— А *сам-то* чего в одиночку по лесам бродишь? — ответила она вопросом на вопрос.

— Так получилось, — смешался он, переминаясь с ноги на ногу, взгляд стал беспокойным — сейчас совет, как пить дать. — Отстал от своих в темноте. На военных наткнулись, вот и разбежались кто куда.

— Военных? — не смогла она скрыть беспокойства. — Пеший патруль?

— Точно.

— И сколько их?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Несколько человек. Темно было, и в карантин совсем не хотелось. Как и тебе.

«Нечего тут примазываться, нет у нас ничего общего».

— Вы шли от шоссе? А они куда направлялись? Они за вами гнались?

ДЕВУШКА В КРАСНОМ

— За мной хвоста нет. Позади никого слышно не было.

Похоже, сплошные выдумки, чтобы объяснить, как он оказался в лесу с пустыми руками, без спутников, и зачем ошивается у ее костерка, словно в надежде чем-то поживиться.

Хотелось верить, что он и в самом деле такое трепло, каким кажется, ведь встреча с солдатами была бы совсем ни к чему.

Власти стремились держать людей в загоне на карантине, «чтобы пресечь дальнейшее распространение болезни». Услышав это заявление, она только фыркнула — в толпе людей, скученных на ограниченном пространстве, зараза распространяется быстрее всего, неужели врачи такие идиоты? В общем, торчать в карантине ей некогда. Надо добраться до бабушки, а путь не близкий.

В тот день Краш с опаской проходила недалеко от шоссе, а там гораздо чаще можно встретить военных, да и просто людей, ведь они обычно держатся вблизи городов и магистралей. На патруль, к счастью, не нарвалась, но уже в лесу, в паре-тройке миль от шоссе, столкнулась... с тремя гражданскими. С тех пор она спешила обходить людные места стороной. Попутчики ей ни к чему.

Не получив приглашения присесть за компанию, «койот» явно стусевался, не зная, что делать дальше, и все его обманутые надежды четко читались на лице. Он рассчитывал, что девушка из вежливости пригласит его к костру, доверится ему, ведь они оба остались в одиночестве, а стадный инстинкт побуждает людей тянуться к себе подобным. А потом он

застанет ее врасплох или улучит момент, когда она заснет, получит от нее все, что захочет, и скроется. Но девчонка разрушила его планы, а быстро менять тактику он не умел.

Только она у мамы выросла не такой дурочкой, чтобы приваживать всяких шакалов. Она помешала похлебку в котелке над костром и решила, что еда готова.

— Вкусно пахнет, — с надеждой намекнул «койот».

— Еще бы, — отозвалась Краш, сняла котелок с огня и положила часть варева в миску.

— У меня со вчерашнего дня во рту маковой ро-синки не было, — пожаловался парень.

Краш поставила миску на колени, зачерпнула чуть-чуть самым кончиком ложки и поднесла к губам. Есть было еще рано, горячая похлебка не остыла, и девушка обожгла язык. Теперь онемееет на несколько часов, но она не подала виду. Просто смотрела на незнакомца, выжидая, что тот еще придумает.

Он прищурился, и под овечьей личиной мелькнула волчья суть.

— У меня на родине с голодными принято делиться, — съязвил он.

— Надо же.

Не отрывая от него глаз, она зачерпнула еще похлебки. Как только он кинется на нее, придется пожертвовать остатками в котелке, жалко, конечно, очень хотелось есть и таскать за собой эти консервы нелегко.

И тут незнакомец выхватил пистолет, который все это время тайком ощупывал, оскалился и рявкнул:

ДЕВУШКА В КРАСНОМ

— А ну, сучка, гони сюда все, что в мешке!

Краш спокойно отодвинула миску в сторону.

— Не дам.

— Гони рюкзак, не то застрелю, — шипел «койот», поводя стволом в ее сторону.

Он считал, что девушка испугается, но она только фыркнула. Он, совсем как мультяшный злодей из фильма, жалкая пародия на «крутого» — из тех, что пристают к главному герою в каком-нибудь переулке и огребают по полной за наглость.

Однако и недооценивать противника было бы глупо — с оружием в руках опасен даже полный идиот.

— Ты что, издеваешься?

Как и ожидалось, он с перекошенным от ярости лицом двинулся к ней в обход костра с той стороны, где она примостила котелок. Значит, опасался топора и держался от окровавленного лезвия подальше, хотя и старался этого не показать. Краш это вполне устраивало.

— Ну что, сучка, сдрейфила? — заворковал он, ошибочно приняв ее молчание за страх.

Она терпеливо выжидала, как рыбак клева в летний день, и когда «койот» приблизился вплотную, схватила котелок и со всей прытью вскочила на здоровую ногу, оттолкнувшись свободной рукой, а потом оперлась на протез, чтобы не потерять равновесие.

Беда в том, что протез не пружинил — он был не из тех новомодных, с которыми можно исполнять акробатические трюки, но Краш приноровилась использовать здоровую ногу на все сто.

Не хватало еще, чтобы этот шакал ее убил ради еды.

От резкого движения тот замер, стрельнув глазами в сторону топора, опасаясь, что она его схватит. Пожалуй, можно было и не вставать, а просто рубануть его топором в бедро, но тогда схватка затянулась бы, а долго сопротивляться она не могла.

Зрелищные кулачные бои, как в кино, ей не нужны. Хотелось с ним разделаться, да побыстрее, чтобы он не успел на нее напасть.

Краш плеснула остатки кипящей похлебки ему в лицо.

Чужак завизжал, уронил пистолет и схватился за лицо. Кожа стала покрываться волдырями, но главное, ей удалось попасть ему в глаз. Наверное, это жутко больно, но девушка старалась об этом не думать и подавила тошноту, накатившую от запаха ошпаренной плоти. Потом схватила топор и с размаху всадила ему в живот.

Краш почувствовала, как лезвие погрузилось в мягкие внутренности, как они сжимаются под его напором, руки окатило горячей кровью, а потом запах стал еще хуже — запах содержимого кишок, вываливающихся на землю. Тот скудный обед, что она успела проглотить, ринулся наружу вперемешку с желчью, встал комом поперек горла, и она закашлялась, содрогааясь всем телом.

Но Краш не могла позволить врагу снова подняться и кинуться на нее, поэтому сначала рванула топор вбок, поперек живота, и только потом выдернула лезвие. К этому чавкающему, хлюпающему звуку никак не привыкнуть, неважно, сколько бы ни

ДЕВУШКА В КРАСНОМ

приходилось пускать топор в дело, ее каждый раз пробиало до мурашек.

Тот человек (он все же оказался обычным человеком, а не «койотом» или охотником) рухнул ничком прямо на нее, и она едва успела неуклюже отпрянуть. Супергероиня из нее не лучше, чем киношный злодей из этого парня. Она обычная девушка, пытающаяся уцелеть в новом мире, нисколько не похожем на тот, в котором выросла, где все было совершенно рационально, привычно и даже скучно всего лишь каких-то три месяца назад.

Парень повалился на землю, истекая кровью. Никаких стонов, содроганий и прочих театральных жестов, похоже, просто отключился из-за болевого шока от ожога и удара топором. *«Может, и выживет, — хотя Краш сильно сомневалась, — но чем черт не шутит»*. Скорее всего, умрет, только она жалела не о содеянном, а о том, что другого выхода не было.

Краш не хотела считать себя убийцей, но и становиться чьей-то добычей только потому, что оказалась одна в лесу, совсем не собиралась.

Собрав вещички, она закинула за спину рюкзак, затушила костер, который так старательно разводила. Тщательно вытерла тряпочкой топорик, надела на лезвие чехол и пристегнула рукоять липучкой к поясу брюк.

Заметив тусклый отблеск звездного света на оброненном нападавшим оружии, она с отвращением подняла пистолет. Оставлять нельзя — если попадет в недобрые руки, у нее могут быть неприятности.

В конце концов, из тех троих, с кем столкнулась накануне, она убила не всех.

Об оружии Краш знала только то, что на дух его не переносит. Отцу нравились детективные сериалы, и в них будто каждый персонаж знал, как снимать предохранитель, как заряжать оружие, даже если до этого они в глаза его не видели. Краш понятия не имела, как все это делать, и опасалась возиться с пистолетом в темноте. Так, чего доброго, еще прострелишь единственную здоровую ногу. Не меньшей глупостью казалось сунуть пистолет, наверняка заряженный, судя по тому, как им размахивал тот тип, в рюкзак или за пояс.

Даже прикасаться к этой холодной отвратительной железке было противно до глубины души, но пришлось так и идти, направив ствол в сторону от себя и не касаясь спускового крючка. Краш устремилась прочь от стоянки, где ранее надеялась заночевать и дать хоть немного отдыха натруженной после утреннего марш-броска культе, и уже на ходу снова с особой остротой ощутила, как хочется хоть ненадолго снять протез.

Она тщательно выполняла все необходимые процедуры: регулярно снимала протез на привале после ходьбы, протирала культю и смазывала кремом, чтобы не натереть мозоль, но снять его на ночь и просто дать ноге отдохнуть было особенно приятно.

«Койот», *тот тип*, лишил ее вожаденного отдыха, и теперь она терзалась от голода, ведь толком поесть так и не удалось, от злости из-за вынужденного убийства, хотя она этого совершенно не хо-

ДЕВУШКА В КРАСНОМ

тела, и от возмущения оттого, что приходится через силу ковылять с ноющей ногой, да еще тащить этот дурацкий мерзкий пистолет.

Перед самым рассветом послышалось бодрящее журчание, и она пошла на звук, постепенно замедляя шаг, — к проточной воде тянулось все живое, в том числе медведи и люди, а Краш по возможности старалась избегать и тех и других, зная по опыту, как они опасны.

На берегу очень кстати оказались заросли какого-то кустарника, за которыми можно было спрятаться, и, внимательно проверив, нет ли там ядовитого плюща, — не хватало еще обжечь лицо и руки — она затаилась, высматривая, не видать ли вокруг какого движения.

Ручей оказался шести-семи футов шириной и довольно быстрым, а значит, можно запастись питьевой водой. Она прекрасно знала, что стоячая вода для питья непригодна, и просто не представляла, как можно на такое решиться, ведь она обычно зарастает зеленой тиной — разве что от безысходности, чтобы не умереть от жажды. Конечно, Краш повидала немало людской глупости еще до Кризиса, так что же говорить о сегодняшнем дне.

Бутылка была с фильтром для очистки воды от паразитов и прочей гадости, но ее пугало не это. В воде запросто мог оказаться труп, раздутый рассадник заразы, так и норовящей пристать к очередному носителю и произвести новые несметные полчища своих отпрысков.

Этот страх не подчинялся логике. Смертоносный Кашель распространяется воздушно-капельным

путем, и по идее в воде этот вирус выжить не должен, но вдруг он мутировал? Такой вариант вполне возможен, и если она до сих пор здорова, то на будущее никаких гарантий нет.

Поток бежал быстро, бурно, словно стараясь ее разуверить, и она наконец решилась рискнуть не смотря на свои опасения, потому что выхода не было — разводить костер, чтобы вскипятить воду, и дожидаться, пока она остынет, было опасно.

Выждав еще немного для пущей уверенности, что за ней никто не наблюдает тайком с другого берега, Краш вдруг почувствовала, что клюет носом, и резко тряхнула головой, как это бывает, когда чувствуешь, что проваливаешься в сон, но знаешь, что засыпать нельзя. Потом вытаращила глаза, словно надеясь отогнать сонливость. Значит, вымоталась гораздо сильнее, чем казалось, и от этого стало страшно, ведь усталость означает уязвимость, а кроме себя самой, на защитников рассчитывать не приходится.

«Что-то я чересчур перестраховываюсь», — подумала она. На много миль вокруг ни единой живой души. По дороге от стоянки, где она убила того «койота» (*ладно, человека, как бы ни был похож на койота со светящимися в темноте глазами и острыми зубами, он все-таки человек*), слышны были только шорохи бросавшейся врасыпную мелкой живности — бурундуков, белок и полевых мышей.

В этом месте у ручья других людей, кроме нее, не было. Да, осторожность не мешает, но перегибать палку не стоит, иначе можно так и застрять на одном месте. С такой ногой не сильно разбежишься, Краш